Образ «нового» человека в работах партийных идеологов и педагогов Советской России

Панина Людмила Юрьевна – канд. пед. наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия); lyudmilapanina@yandex.ru

Бозиев Руслан Сахитович – д-р пед. наук, доцент, чл.-корр. РАО, гл. редактор журнала «Педагогика» (Москва, Россия); sir-bozieff@yandex.ru

Аннотация. *Советское образование обсуждается как на научном, теоретическом, так и на повседневно-практическом уровне. По-прежнему сохраняется неоднозначное отношение к советскому прошлому, в том числе и к феномену советской школы: от крайне негативного (тоталитаризм, идеологизация, консерватизм, ригидность) до позитивного, апологетического, мифологического. Важной причиной интереса к советскому прошлому является поиск национальной, культурной, гражданской идентичности в современной России и в связи с этим «возрастает роль общности исторической судьбы как символа единства народа» [1, с. 163], что невозможно без анализа общей культуры и исторической памяти.*

Ключевые слова. *Советское образование, «новый» человек, воспитание, советский человек.*

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. изменили ценностные векторы развития российского общества. Радикальная политическая и идеологическая трансформация вызвала необходимость переустройства всех сфер общественной жизни, не обойдя вниманием и образование.

Опираясь на периодизацию Т.П.Днепровой [2, с. 27], период с февраля по октябрь 1917 г. можно назвать буржуазно-демократическим, т.к. начавшиеся изменения в политическом и общественном строе в стране дали возможность многим выдающимся педагогам (В.П.Вахтеров, С.И.Гессен, П.Ф.Каптерев, В.И.Чарнолуский и др.) развивать положения, выдвинутые ими в предыдущие годы: создание единой школы, ее автономность и аполитичность, идея обучения и воспитания как единого педагогического процесса, идея развития и гармонии в образовании, единство национального и общечеловеческого. Эти положения во многом основывались на модернистских представлениях Серебряного века о гармонии, внимании к личности, индивиду, что в плане организации педагогического процесса вызвало к жизни идеи единства индивидуализации и социализации в обучении, развития свободной индивидуальности, гуманной личности, ее способностей.

Согласно концепции «новой народной школы» П.П.Блонского, в широком, демократическом значении она была не только школой учения, но и школой «организации всей жизни ребенка, способного создавать свою собственную жизнь, способного к самоопределению. Воспитываться – значит самоопределяться, и воспитание будущего творца новой человеческой жизни есть лишь рациональная организация самовоспитания его» [3, с. 42]. Впоследствии отдельные положения его концепции были использованы А.В.Луначарским и Н.К.Крупской при организации единой трудовой школы и пионерского движения.

Октябрь 1917 г., привел к пересмотру новой властью целей образования и переустройству всей системы в целом. Время с ноября 1917 по 1920 гг. – это радикально-реформистский этап [2], в котором закла-

дывались основания новой школы. Формирование новой морали проходило при активной ломке старых ценностей и приобрело небывалые масштабы. Отметим, что идея совершенствования человеческой природы, создания «новой породы людей» для России принадлежала И.И.Бецкому. В XVIII в. в трудах мыслителей Просвещения и в преобразованиях Французской революции можно увидеть концептуальные истоки идеала «нового» человека. По сути, есть много общего между образовательными проектами политических деятелей эпохи Великой французской революции и декларациями о школе большевиков.

Так, Д. де Траси писал: «Мораль призвана обеспечивать единство социума, однако приходится признать, что наши моральные принципы все еще далеки от идеала. … Для достижения согласия между ними [индивидами] и обеспечения социальной справедливости необходима выработка универсальной морали, максимально защищенной от дестабилизирующих ее внешних воздействий, и создание такой эффективной модели воспитания и образования, где эффективность напрямую связана не с временным успехом, а с универсальностью знания и ценностей» [4, p. 139].

Н. де Кондорсе считал, что школа должна взять на себя развитие «универсальной» морали, основанной на долженствовании. Она научает искусству быть гражданином, основы которого закреплены в «Декларации прав человека и гражданина» (1789). Образовательный проект Кондорсе имел своей целью создание «народного разума» [5, p. 104]. При этом школа как социальный институт является средством приобщения каждого индивида к рациональности Просвещения, без которой невозможно истинное гражданское общество, основанное на республиканской форме правления. Школа служит проводником прогресса, который заключается не только в накоплении знаний, но и в совершенствовании нравов.

Проект Кондорсе был очень прогрессивным для своего времени, т.к. он выдвигал принцип бесплатного общественного образования, не ограничиваясь при этом только начальной школой, обосновывая это всеобщим равенством прав. Школа должна быть открытой для всех. Она должна способствовать свободному мышлению, поэтому необходимо исключить культы из школьного воспитания, доверив их семье. Эту идею поддерживали также Л.М.Лепелетье и Ж.Ферри [6] (последний, будучи министром просвещения и изящных искусств в период реформ 1880-х гг., создал во Франции общественную республиканскую школу).

Кондорсе отрицательно относился к вторжению властей в сферу образования, ибо «всякая власть, какова бы ни была ее природа, враждебна истине» [6, p. 261]. В отличие от проекта Ферри, где школа была оплотом Республики, для Кондорсе школу необходимо защищать от произвола властей. Контроль за школой должен быть возложен на Академию. Именно поэтому никакой «теологический авторитет, никакая политическая власть не могут определять, что есть истина, но должны посредством системы общественного образования предостерегать от ошибок, формируя у индивидов способность рационального суждения и освобождая разум человека от политических и религиозных предубеждений» [7, с. 39].

Принцип обязательности образования ставит вопрос о его принудительном характере и ведет к проблематике Государства–воспитателя (эту идею в значительной степени потом воплотили большевики.) Так, Лепелетье утверждал право государства фактически отрывать детей от родителей, организуя не только обязательные школы, но и обязательные пансионы. Кондорсе же считал, что дети принадлежат родителям. Ферри в своей

реформе придал государству значение воспитателя, но ограничил его вмешательство, сделав обязательным только просвещение, а не образование.

Не все идеи французских просветителей были реализованы на практике, однако они дали толчок к развитию демократических начал в организации школьного обучения, в том числе и в Советской России: светскость, бесплатность, всеобщность, равенство и свобода выбора в образовании и др.

Именно этим демократическим пафосом проникнута «Декларация о единой трудовой школе» [8]. Ее основные принципы: бессословность, устранение привилегий, бесплатность и обязательность обучения в школе на всех ступенях, светский характер. Кроме того, школа «должна быть еще единой и трудовой». Предполагалось обучать детей обоего пола на родном языке, создать сеть дошкольных учреждений, использовать активные методы в обучении, оказать государственную помощь самообразованию и саморазвитию, обеспечить доступ в высшую школу для всех желающих, в первую очередь для рабочих, снабдить всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства. Многие положения Декларации на долгие годы определили дальнейшее направление государственной образовательной политики, они и сегодня не потеряли своей актуальности.

К сожалению, эти идеи во многом остались нереализованными из-за отсутствия материального и финансового обеспечения и сложной военно-политической обстановки в стране. Прежние структуры управления были разрушены, а новая система органов на местах либо еще не была создана, либо действовала неорганизованно. Кроме того, не учителей, способных реализовать новые положения, а те учителя, которые взялись за организацию новой школы, быстро испытали разочарование непродуманной политикой, связанной с полным отказом от традиций дореволюционной школы.

Лозунг «Крушите старый мир» был чрезвычайно популярен, он дошел до абсурда, когда буквального ломали школьную мебель, уничтожали учебники и книги. Сложное положение учителей усугублялось не только практически полным отсутствием материальной базы, но и путаницей и нестабильностью в программах. Было непонятно, как работать при отмене предметного преподавания и классно-урочной системы, при запрете оценивать труд учащихся, задавать домашние задания и принимать дисциплинарные меры.

Программа РКП(б), принятая в 1919 г., обозначила позиции новой власти в области народного образования. Ее содержание изложили Н.И.Бухарин и Е.А.Преображенский в работе «Азбука коммунизма». Все задачи «в школьном деле» разделялись на разрушительные и созидательные. Предполагалось уничтожить все, что делало «школу орудием классового господства буржуазии»: покончить с элитарным образованием – гимназиями, реальными училищами, кадетскими корпусами и т.д.; изгнать преподавательский персонал, который «не может или не хочет быть орудием коммунистического просвещения масс» [9, с. 181]; отказаться от старой учебной литературы и приемов преподавания, служивших «классовым целям буржуазии»; отделить школу от церкви. В «созидательную часть» программы в качестве главной задачи было включено «воспитание в пролетарском духе»: «Задача новой коммунистической школы состоит в том, чтобы воспитать буржуазных и мелкобуржуазных детей в пролетарском духе» [9, с. 182]. Следовало «подогнать» сознание взрослых к «изменившимся общественным отношениям», а главное – сформировать такое молодое поколение, которое «будет всей своей психологией стоять на почве нового коммунистического общества» [9, с. 182].

Этим целям должны были служить реформы в «школьном деле»: борьба с неграмотностью, создание и развитие учреждений дошкольного воспитания, единой трудовой школы для детей от 8 до 17 лет, системы специального образования. Предполагалось осуществить революцию в преподавании общественных наук, организовать партийно-советские школы как школы «коммунистического переустройства общества», привлечь новые преподавательские силы, наполнить аудитории высшей школы преимущественно «рабочей молодежью». Для кадрового обеспечения перечисленных реформ планировалось, во-первых, «мобилизовать лучшие элементы учительской среды» и путем «усиленной работы» сформировать из них идейных сторонников новой власти, во-вторых, подготовить новых работников просвещения из молодежи, «с самого начала воспитываемой в духе коммунизма вообще и в духе коммунистической школьной программы в частности» [9, с. 190]. Заявлялось о намерении наладить государственную пропаганду коммунизма в интересах «создания новой идеологии, новых навыков мыслей, нового миропонимания у работников социалистического общества» [9, с. 192].

Период всеобщих социальных изменений, как правило, проходит следующие этапы «инновационного шока»: «Первый характеризуется энтузиазмом, приподнятым настроением, небывалой социально-политической активностью, большим желанием перемен» [10, с. 204]. Но переоценка своих сил и возможностей приводит к изменению намеченных планов и мешает достичь быстрых результатов. Негативные последствия переходного периода приводят ко второму этапу, который характеризуют замешательство, спонтанные действия власти, приводящие к депрессивному состоянию общества. Третий этап наступает с началом преодоления кризиса, что рождает чувство уверенности и удовлетворения от политико-социальных мероприятий.

Именно так можно охарактеризовать послереволюционную обстановку не только в образовании, но и в обществе в целом. На смену очарованию революцией пришло разочарование ее результатами, повлекшее жесткую классовую борьбу. Н.И.Бухарин, например, полагал, что революция опрокинула старые отношения между людьми, не создав взамен новых. Из этого следует, что от нее самой не исходило никакого инновационного импульса, ее заслуга состояла разве что в расчистке территории [11]. Другие говорили об «урагане войны и революции», разметавшем не только экономический строй, но и старые моральные и религиозные устои и, с другой стороны, пробудившем желание заняться «поиском новых путей» [12, с. 61].

В.Ф.Асмус считал, что революция не положила конец процессу разрушения старых общественных отношений, в лучшем случае, он только начался. Он считал революцию промежуточной стадией с фильтрующим эффектом и говорил о ней как о «творческом действии, реально связывающем пролетариев со всей положительной культурной традицией прошлого, со всеми возможностями тенденциально намечаемого будущего» [13, с. 14].

Радикально-реформистский этап привел к разрушению старых систем управления и организации образования, кроме того, становление нового порядка сопровождалось и катастрофическими социальными проблемами: детской беспризорностью, голодом, эпидемиями. Но «убийство старой школы», по словам П.И.Лебедева-Полянского, одного из руководителей Наркомпроса, было обусловлено необходимостью построения новой социальной реальности, создания «нового» человека. Для этого необходимо было придумать новую идею. Этой идеей стала классовая борьба.

В своей речи «Задачи союзов молодежи» на III съезде комсомола 2 октября 1920 г. В.И.Ленин указывал, что «наша нравствен-

ность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. … Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов» [14, с. 309–310]. «Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груду развалин, как и следовало его превратить в груду развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество» [14, с. 308].

Поисками идеала «нового» человека и технологией его формирования характеризуется период 1921–30 гг., связанный с новой экономической политикой. На смену идеала «политехнически» развитой личности (Н.К.Крупская) приходит, по определению С.И.Гессена, «идеал коммунистически-профессионального образования». Этот период является наиболее интересным с точки зрения педагогического новаторства и экспериментирования. Несмотря на усиление идеологического давления и превалирование классового подхода, появилась свобода, творческий поиск в развитии педагогической науки и практики. В это время работали такие выдающиеся педагоги, как А.К.Гастев, И.В.Ионин, А.С.Макаренко, М.М.Пистрак, А.П.Пинкевич, В.Н.Сорока-Росинский и др. Продвигались зарубежные идеи: Дальтон-план, бригадно-лабораторный метод. Предлагались различные концепции «отмирания школы», организации нового типа учебного заведения «школа–производство», идеи «социального инженеризма» и создания новой «индустриальной педагогики».

Активно развивалась педология, основными направлениями которой были биогенетический (В.М.Бехтерев, П.П.Блонский, Л.С.Выготский, М.Я.Басов) и социогенетический (С.С.Моложавый, А.С.Залужный, С.Т.Шацкий) подходы. Распространившаяся в России после 1917 г. педологическая работа приобрела широкий размах, объединив ведущих педагогов, психологов, физиологов, врачей, занимавшихся комплексным изучением ребенка.

Получил развитие психоанализ, в частности детский, для которого главной целью воспитания было «выявление сущности глубинных бессознательных мотивов поведения ребенка. Оно должно обнаружить его эгоистические побуждения, направить их на путь альтруистического самовыражения» [15, с. 68] и приобщить ребенка к социокультурным ценностям и нормам. В.Рыжков отмечал полезность психоанализа не только в воспитании детей, но и в довоспитании взрослых, когда мы сталкиваемся с неврозом социального происхождения, случившегося в результате неумелого воспитания, в результате неудавшегося приспособления биологической личности к социальным условиям [16].

Анализом проблематики психологии труда, использованием на производстве законов человеческого поведения занималась психотехника, которая внесла большой практический вклад в задачи производственного обучения, профессионального отбора, а также рационализации режима труда, борьбы с травматизмом и аварийностью и пр.

В поисках воспитательного идеала активно участвовали руководители партии, в основе идей которых лежал марксизм-ленинизм. Предлагаемые вождями партии программы достаточно четко формулируют образ «нового» человека [17]. Их позиция имела ключевое значение при определении стратегической цели воспитательного проекта и его содержания.

Перечень качеств личности «нового» человека определялся на основании критерия, выдвинутого в 1920 г. В.И.Лениным, т.е. с точки зрения их соответствия интересам классовой борьбы пролетариата. Напоминая данный тезис, А.А.Сольц го-

ворил: «…у нас нет абстрактно неэтичных поступков» [18, с. 261]. И, развивая мысль в другом выступлении, пояснял: «Все, что облегчает нашу борьбу, все, что нас усиливает как борцов, все, что нам помогает в этой борьбе, то является этичным, хорошим» [18, с. 274].

В качестве основной черты большевики выдвинули готовность сражаться «за дело рабочего класса». Е.А.Преображенский (сначала секретарь ЦК, а затем председатель Главного управления профобразования Наркомата просвещения РСФСР) писал, что «новый» человек должен уметь «беззаветно, почти стихийно, без фраз и лишних слов, не требуя ничего лично для себя, влить всю свою энергию и энтузиазм в общий поток и пробиться к цели со своим классом, может быть, свалившись мертвым по дороге» [19, с. 73]. Он считал, что отвечать высочайшим требованиям, предъявляемым к «новому» человеку, современные ему люди в полной мере не способны. «Взрослое поколение слишком испорчено капитализмом и привыкло к старому. Мне кажется даже, что, например, и члены коммунистической партии, какую бы великую историческую роль они ни играли в период пролома капиталистической стены и как ни велика будет их роль в ближайшие три-четыре десятилетия – даже они глубоко испорчены уже капитализмом и представляют из себя никуда не годный материал для чисто коммунистической стройки» [19, с. 82]. Об этом говорил и А.В.Луначарский, утверждая необходимость введения дошкольного воспитания: «Если мы хотим воспитать нового человека, т.е. воспитывать новые рефлексы, новые склонности, то мы должны помнить, что проводим пока еще эту воспитательную работу крайне нерационально, поскольку мы начинаем с 8-летних детей. … в дошкольном возрасте можно человека лепить, гнуть, в комсомольском возрасте – только ломать, а дальше уже – "горбатого могила исправит". Если мы упустим этот дошкольный возраст, то дальше человек уже застывает, костенеет» [20, с. 131–132].

Основной целью и ценностью при моделировании личности выступали коллективизм, общественная среда. В.И.Ленин обосновал задачу воспитания «советского человека», разделяющего социалистические/коммунистические ценности (противопоставлявшиеся буржуазным и мелкобуржуазным), активно и сознательно участвующего в государственных делах. «Государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [21, с. 21]. М.Н.Лядов выдвигал в качестве цели воспитания «коллективно мыслящего ребенка» и полагал, что таковой может быть сформирован «только в общественной среде», потому родители «губят своих детей, если воспитывают их дома» [18, с. 311]. Отдельный «человек принадлежит не самому себе, а обществу – человеческому роду», и будущее «принадлежит общественному воспитанию» [9, с. 197].

Такое внимание к коллективизму было вызвано в том числе необходимостью индустриализации, промышленная модернизация страны требовала масс, а не личностей. Отсюда на первое место выходят коллективизм, жертвенность, взаимопомощь, труд. Ценность труда приобретала практически сакральное значение, идеал воспитания был трудоцентристским. Цели труда при этом должны быть общественными и духовными, направленными на самореализацию, в противовес личным и материальным. В условиях социальных преобразований вынужденный труд превратится в «сознательный» и «дисциплинированный». Его все чаще квалифицируют как «коммунистический», трактуемый по-ленински как «труд вне нормы, даваемый без расчета на вознаграждение…» [22, с. 315].

При этом человек «должен еще только бороться за создание» соответствующих социальных условий. Будущий «новый» чело-

век («наш правнук, гражданин коммуны») не будет революционером, ведь с исчезновением классовых различий исчезнет сама необходимость в качествах политического бойца. А значит, объяснял Л.Д.Троцкий, станут нестерпимыми такие средства, как «обман, ложь, фальсификация, подлог, предательство и вероломство». Этот человек не захочет «ползать на брюхе перед темными законами наследственности, слепого полового отбора», он сумеет «овладеть чувствами, понять инстинкты, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять человека на новую биологическую ступень, создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека…» [22, с. 448].

Но идея мировой революции постепенно себя изживала, «революционеры–практики» сталинской когорты, а за ними советская печать и многочисленные пропагандисты рисовали массам приземленный облик «нового» человека, главным качеством которого стала готовность броситься на решение социально значимых задач. В середине 1920-х гг. в связи с нэпом и строительством социализма пришла модель «созидателя нового мира». «Великий перелом», начавшийся в 1929 г., резкий поворот в сторону «безличностного коллективизма» одновременно укрепили и тот сегмент системы ценностей «нового» человека, который был порождением антропоцентристской западноевропейской культуры модернити. В ценностном наборе остаются рационализм, инициатива, новаторство, внесенные туда идейными исканиями первой половины 1920-х гг. Это была некая дуалистическая модель, соединявшая традиционные интересы целого (общины, общества, государства) с западными «культурными продуктами» (нацеленностью на инновацию и экономический успех).

Н.И.Бухарин, признавая необходимость социальной гармонии и гражданского мира, настаивал на переводе классовой борьбы из военно-политических форм в интеллектуально-культурологические. Под руководством пролетариата в обществе создаются максимальные условия для развития каждого его члена. Цель социалистического строительства – создание «целостного», гармонически развитого творческого человека. «Условием трудового перевоспитания общества назывался учет интересов человека, удовлетворение различных его потребностей, признание личностной индивидуальности» [23, с. 173]. Н.И.Бухарин разделял веру К.Маркса в позитивную природу человека и указывал, что ликвидация классовых противоречий будет основой для массового антропологического феномена – «второго рождения человечества» [24, с. 17–18].

Проектирование А.В.Луначарским идеала «нового человека», по мнению С.Г.Новикова, происходило под влиянием «марксистской доктрины, традиционной нравственности и процесса индустриальной модернизации России» [25, с. 14]. Идеал свободной личности К.Маркса вдохновлял А.В.Луначарского в его желании «освободить индивидуальность, дать простор человеческому творчеству, привести к величайшему разнообразию жизни» [26, с. 482]. Среди важных качеств он отмечал внимательность, человеколюбие, дух солидарности, уникальность способностей, ставил задачу быть мастером своего дела, подчеркивал преданность идее, общим задачам и своему делу. Также указывал на необходимость быть отзывчивым, призывал вести здоровый, активный, трудолюбивый образ жизни, предлагал развивать универсальность интересов, возможностей и познаний, заинтересованность [27, с. 292]. Эта идея дополнялась им «традиционным народным представлением о превалировании интересов социальной общности, коллектива, что усиливалось тем, что общество вступило в 1920-е годы в период *форсированной*

модернизации, требовавшей подчинить интересы индивида потребностям социальной трансформации, соображениям победы в "гонке за лидером" – индустриальным Западом» [28, с. 14].

С укреплением единоличной власти И.В.Сталина представление об идеале меняется. Это «человек–исполнитель», который должен чувствовать себя «винтиком» гигантской машины государства, подчиняться дисциплине, которую регулировали наказание и поощрение. Воспитание подрастающего поколения стало чрезвычайно важным, государственным делом. М.Горький в статье «О новом и старом» писал: «Любить детей – это и курица умеет. А вот уметь воспитывать их – это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни». В этой связи лидеры государства рассматривали образование как «оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить» [29, с. 26].

С 1931 г. наступает унитарно-авторитарный этап [2], характеризующийся укреплением радикально-консервативной педагогической парадигмы, усилением идейно-политического давления, оформлением идеи советского патриотизма и воспитания советского человека. Исходя из идеологических установок, на первый план выходит идейно-политическое, коммунистическое воспитание, под которым понимается «воспитание всесторонне развитого человека коммунистического общества» [30, с. 3]. Это воспитание включает: умственное и политехническое образование, нравственное, физическое и эстетическое воспитание. Основными качествами стали коммунистическая идейность, преданность идеалам партии и социалистической многонациональной Родине, труд как цель и смысл жизни, коллективизм.

Умственное образование предполагало процесс овладения человеком основами наук, развитие его умственных способностей и формирование диалектико-материалистического мировоззрения. Причем овладение наукой нельзя было отрывать от овладения политикой. Однако нередко было и так, что «студенты–коммунисты, ведущие большую общественную работу, не прочь получить некоторое снисхождение в отношении овладения науками. Или, наоборот, студенты, увлекаясь, наукой, совершенно забывали о политических знаниях, отрывались от общественной работы» [30, с. 5]. Из этого следует, что новому обществу были нужны люди, овладевшие не только знаниями, но и «коммунистической идеологией, которая помогала бы им эти знания претворить в практической работе для построения нового, коммунистического общества» [30, с. 7]. Политехническое образование знакомило молодого человека с основами процессов производства и в то же время давало ему навыки обращения с простейшими орудиями всех производств через соединение обучения с производительным трудом. При этом одной из целей было «уничтожение противоположности между трудом умственным и физическим» [30, с. 70].

В основе нравственного воспитания лежала коммунистическая мораль, которая сводилась «в основном к тому, чтобы воспитать сознательных, дисциплинированных борцов против старого эксплуататорского общества, борцов за коммунизм» [31, с. 3–4]. Мораль, исходя из установок диалектического материализма, определялась материальными условиями жизни общества, производством материальных благ: «Каков способ производства у общества, таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения. Или, говоря грубее: каков образ жизни людей – таков и образ их мыслей» [30, с. 7–8]. Мораль, однако, нельзя выводить только из экономики, она вырастает на основе общественно-экономических отношений, под воздействием классовой борьбы, а также

«в связи с другими идеологическими надстройками: права, философии, науки, искусства и т.д., которые оказывают влияние на формирование морали у того или и иного класса». Таким образом, в основу формирования нового, коммунистического мировоззрения легли установки диалектического материализма, партийности и классовой борьбы.

В своих статьях и выступлениях И.В.Сталин подробно останавливался на моральных качествах борцов–коммунистов. Черты характера «нового» человека связаны прежде всего с основными свойствами характера политического деятеля ленинского типа. Это должны быть ясные и определенные люди, бесстрашные в бою и беспощадные к врагам народа, свободные от всякой паники, мудрые и неторопливые при решении сложных вопросов, правдивые и честные, любящие свой народ. Те же черты нового человека отмечал и М.И.Калинин: любовь к своему народу, честность, храбрость, товарищеская спайка, любовь к труду [32].

Нравственное воспитание воспринималось через призму коммунистической морали и этики. Соответственно, перед советской школой и педагогикой стояла задача разработки путей и средств воспитания таких качеств характера нового человека, как: ясность цели, коммунистическое отношение к труду, любовь к своему народу, самообладание, решительность, настойчивость и постоянство, инициатива и активность, правдивость и честность, чуткость, дисциплинированность, ответственность, забота о здоровом, сильном и выносливом теле [33, с. 7–8].

Идеи создания «нового» человека нашли отклик прежде всего среди молодого поколения благодаря литературе, газетам, плакатам, поэзии, песням. Семена этих идей упали на плодородную почву, ибо были созвучны духу времени и жизненным ощущениям нового поколения. Значительная часть молодежи связывала свои надежды с советской властью, мечтала о «светлом будущем», стремилась завоевать признание, действовать по новым правилам и образцам, искренне способствовала укреплению новых идеалов. Весомую роль в таком выборе, сделанном поколением, сформировавшимся после 1917 г., сыграло приобщение в процессе получения грамоты и школьного обучения: «обучение грамоте было введением в политику. Родная речь, которой они овладевали в школе, была языком власти. Дети и молодежь дышали им, как дышат воздухом» [34, с. 199]. Очевидно, что роль системы образования в социальном проектировании «нового человека», конструировании его идентичности трудно переоценить. По данным переписи 1926 г., 51,8% населения страны составляли люди в возрасте до 24 лет. Подавляющее их большинство стояло на позициях поддержки советской власти [35, с. 25]. Это проявлялось в высокой самоотдаче молодежи на великих стройках, в массовом героизме в Великой Отечественной войне.

Пропаганда ценности культуры как позитивного, надклассового феномена, овладение достижениями которого рассматривалось как путь ликвидации отсталости и формирования «нового» человека, привели в 1930-е гг. к существенным сдвигам в поведении разных социальных слоев и групп. Если массам рабочих и крестьян прививались, прежде всего, нормы гигиены, культуры быта, то более урбанизированные и привилегированные слои – партийные и государственные управленцы, выдвиженцы, интеллигенция, часть рабочих, служащих – стремились овладеть ее высокими образцами. Среди них проявлялось стремление к образованию и самообразованию, самосовершенствованию, любовь к чтению, театру и т.д. Важным фактором принятия нового мировоззрения и большевистского режима была его ассоциация с прогрессом, с современностью [36, с. 269]. Вера советских людей в прогресс, ассоцииру-

ющийся с социалистическими преобразованиями, свидетельствовала об успехе социального проектирования и создавала основу для формирования идентичности нового, советского человека. В поведении и образе жизни крестьян, рабочих, служащих происходили перемены, связанные с их рационализацией, получением образования, вытеснением религиозных практик, внедрением новых праздников, ритуалов, форм досуга.

В сфере повседневной жизни и в быту в наибольшей степени проявлялось действие социокультурных традиций, инерционность, способствовавшие «перевариванию» новых форм культуры, их адаптации к традиционным ценностям и практикам. Этому способствовал «великий перелом» 1929–32 гг., утверждение модели форсированного развития, требовавшей максимальной мобилизации человеческих ресурсов. Ограниченность материальных ресурсов для развития социальной сферы, приоритеты индустриального рывка, напряженность поставленных задач определили потребность в использовании внеэкономических форм стимулирования труда, традиционных резервов выживания, опоры на традиционные ценности. Механизмы социальной мобилизации стали основными методами обеспечения поддержки власти и решения задач развития в 1930-е гг. Несмотря на то, что они использовались в интересах модернизации, они стали опираться не только на революционные, но и на традиционные институты и ценности (семьи, социалистического патриотизма, героизма). В облике «нового» человека сочетались пассивность, фатализм, иждивенчество с верой в «светлое будущее», в необходимость социального равенства и справедливости, коллективизма, способность выносить трудности, приспосабливаться и выживать в сложнейших условиях, любовь к родине и вера во всемогущество верховной власти. Политическая и социальная система раннего советского общества имела неразрывную связь с этими чертами людей того времени, ими были обусловлены возможности ее трансформации.

Заключение. Основной идеей после победы революции было формирование «нового» человека. Однако на протяжении послереволюционных десятилетий модель советского человека менялась. В 1920-е г. идеалом были революционеры – разрушители старого мира: железные комиссары, стальные чекисты. Применение насилия в годы гражданской войны оставило неизгладимый след в сознании народа, породило страх перед чрезвычайщиной, ожидание ее возможного повторения. В то же время немалой частью большевиков насилие было воспринято как подлинно коммунистический метод преобразований. Поэтому сложился стереотип поведения и ментально-психологический облик коммунистов, для которого были характерны невысокая оценка значимости человеческой жизни, общий дух постоянной мобилизационной готовности, непримиримость к классовым врагам, категоричность, решительность и дисциплинированность в сочетании с невысоким образовательным уровнем.

На смену этому идеалу пришел «созидатель Нового мира: «индустриальный человек», «научно-организованный человек» (НОЧ) «усовершенствованный коммунистический человек» (УСКОМЧЕЛ), от которого требовались идейность, энергия, инициатива.

На рубеже 1920–30-х гг. в модели воспитания «нового» человека были четко обозначены: цель (личность, готовая отречься от свободы во имя надличностных интересов и способная проявлять при их реализации сознательную активность), система ценностей (синтезировавшая элементы социоцентризма и антропоцентризма), идеал (персонифицированный первоначально в образе В.И.Ленина, а после 1929 г. – и в облике И.В.Сталина), средства (пре-

жде всего, деятельность по созиданию «социализма»), педагогический дискурс (иерархически организованная ценностно-смысловая коммуникация, базирующаяся на субъект-объектных отношениях).

В дальнейшем понятие *«новый» человек* в зависимости от политического курса партии и взглядов на социализм и коммунизм менялось и в 1960–70-е гг. было трансформировано в различные типы «социалистической личности». На XXII съезде Н.С.Хрущев в докладе о программе КПСС объявил, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты, – советский народ». Однако в программный документ это положение включено не было.

В 1976 г. на XXV съезде Л.И.Брежнев в своем докладе заявил: «Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия – это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять» [37, с. 113].

А.А.Зиновьев утверждал: «Не следует думать, будто советская идеология стремилась прививать людям отрицательные качества – эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, лень, склонность к халтуре и обману и т.п. Как раз наоборот, эти качества порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества – честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т.д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами – дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и т.п. И это не было лицемерие. Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия к тому, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами. Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941–1945 годов Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты» [38, с. 397].

Таким образом, впервые в истории человечества был осуществлен уникальный социальный проект по созданию нового общества и «нового» человека, который включал миллионы людей. Происходило формирование сознания и способа мышления, конструировались соответствующие модели поведения и отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М.Савельева, А.В.Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–170.

2. *Днепрова Т.П.* Преодоление консервативно-либерального противостояния в отечественном образовании на основе национальной толерантности: Автореф. дис. ... д. пед. н. Тюмень, 2011. 47 с.

3. *Блонский П.П.* Избр. пед. и психол. соч.: в 2-х т. Т.1. М., 1979. 304 с.

4. *Destutt de Tracy*. Premiers écrits. Sur l'éducation et l'instruction publique // Oeuvres completes. Vol. I. Paris, 2011. 252 p.

5. Condorcet Cinq mémoires sur l'instruction publique. Paris, 1994. 380 p.

6. *Ferry J.* Discours sur l'égalité d'éducation, le 10 avril 1870 / Textes édités par O.Rudelle. Vol. I. Paris, 1996. 508 p.

7. *Ястребцева А.В.* Политика и пайдейя. Республиканский проект общественного обра-

зования // История философии. 2015. Т. 20. С. 25–45.

8. Народное образование в СССР: Сб. документов 1917–1973 гг. М., 1974. 559 с.

9. *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. Петербург, 1920. 322 с.

10. *Советова О.С.* Инновации: трудности и возможности адаптации. СПб., 2004. 253 с.

11. *Бухарин Н.* Культурные задачи и борьба с бюрократизмом // Революция и культура. 1927. № 2. С. 5–12.

12. *Канатчиков С.* На тему дня (страницы пролетарской идеологии). Петроград, 1923. 88 с.

13. *Асмус В.* Марксизм и культурная традиция // Революция и культура. 1927. № 3–4. С. 10–16.

14. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М., 1981. 696 с.

15. *Стоюхина Н.Ю., Логиновских Д.В.* Психоанализ в советской педагогике в 1920–1930-х годах // Приволжский научный вестник. 2014. № 11–2 (39). С. 67–71.

16. *Рыжков В.* Психоанализ как система воспитания // Путь просвещения. 1922. № 6. С. 196–218.

17. *Бабич Е.С.* Трансформация представлений российских политиков об идеальном человеке в 1917–1938 гг. // Вопросы исторической науки: Материалы II Межд. науч. конф. Челябинск, 2013. С. 34–37.

18. Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М., 1989. 511 с.

19. *Преображенский Е.А.* О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923. 114 с.

20. *Луначарский А.В., Скрыпник Н.А.*. Народное образование в СССР в связи с реконструкцией народного хозяйства. М., 1929. 167 с.

21. *Ленин В.И.* Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября 1917 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 19–22.

22. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 40. М., 1974. 507 с.

23. *Молостова Е.С.* Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9. Вып. 28. С. 168–175.

24. *Устинов О.А.* Проблема человека в творчестве Н.И.Бухарина (историко-философский анализ): Автореф. дисс. ... к. фил. н. М., 2007. 21 с.

25. *Новиков С.Г., Забелинская О.С.* Разработка А.В.Луначарским идеала «Нового человека»: ретроспективный взгляд // Учебный эксперимент в образовании. 2011. № 4. С. 10–14.

26. *Луначарский А.В.* Собр. соч. Т. 7. М., 1967. 734 с.

27. *Луначарский А.В.* О воспитании и образовании: Сборник / Под ред. Н.В.Кондашова. М., 1976. 632 с.

28. *Луначарский А.В.* О быте. М.; Л., 1927. 81 с.

29. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14. Март 1934 – июнь 1941. М., 2007. 865 с.

30. *Каиров И.А.* Сталин о коммунистическом воспитании // Советская педагогика. 1940. № 6. С. 3–14.

31. *Селиханович И.Б.* Основы воспитания коммунистической морали // Советская педагогика. 1940. № 7. С. 3– 17.

32. *Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании // Советская педагогика. 1940. № 11–12. С. 3–14.

33. *Малышев М.П.* Школа и воспитание характера // Советская педагогика. 1941, № 6. С. 3–16.

34. *Козлова Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. 526 с.

35. *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа: Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. 255 с.

36. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. 332 с.

37. КПСС. Съезд 25-й. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1976. 472 с.

38. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М., 2006. 528 с.

Дата поступления – 17.11.2023

Image of the "new" man in the works of party ideologists and teachers of Soviet Russia

Lyudmila Yu. Panina – Cand. Sci. (Pedagogics), Docent of the Voronezh State Pedagogical University (Moscow, Russia); lyudmilapanina@yandex.ru

Ruslan S. Boziev – Dr. Sci. (Pedagogics), Docent, Corresponding Member of RAE, Chief editor of the magazine "Pedagogics" (Moscow, Russia); sir-bozieff@yandex.ru

Abstract. *Soviet education is discussed both at the scientific, theoretical, and at the everyday practical level. Moreover, there is still an ambiguous attitude towards the Soviet past, including the phenomenon of the Soviet school: from extremely negative (totalitarianism, ideologization, conservatism, rigidity) to positive, apologetic, mythological. Another important reason for interest in the Soviet past is the search for national, cultural, civic identity in modern Russia, because in this direction there is a divergence in strategic goals, and in connection with this "the role of a common historical destiny as a symbol of the unity of the people is increasing" [1, p. 163], which is impossible without an analysis of general culture and historical memory.*

Key words. *Soviet education, "new" man, upbringing, Soviet man.*

REFERENCES

1. *Repina L.P.* Koncepcii social`noj i kul`turnoj pamyati v sovremennoj istoriografii [Concepts of social and cultural memory in modern historiography]. *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. Eds. I.M.Savelieva, A.V.Poletaev. Moscow, 2005. P. 122–170.

2. *Dneprova T.P.* Preodolenie konservativno-liberal`nogo protivostoyaniya v otechestvennom obrazovanii na osnove nacional`noj tolerantnosti [Overcoming conservative-liberal confrontation in domestic education based on national tolerance]. Avtoref. dis. ... d. ped. n. [Abstract dis. ... [Dr. Sci. (Pedagogics)]. Tyumen, 2011. 47 p.

3. *Blonskij P.P.* Izbranny`e pedagogicheskie i psixologicheskie sochineniya v 2-x t. [Selected pedagogical and psychological works in 2 vol.]. Vol.1. Moscow, 1979. 304 p.

4. *Destutt de Tracy.* Premiers écrits. Sur l'éducation et l'instruction publique [First writings. On education and public instruction]. *Oeuvres complètes* [Complete works]. Vol. I. Paris, 2011. 252 p.

5. Condorcet Cinq mémoires sur l'instruction publique [Five memoirs on public education]. Paris, 1994. 380 p.

6. *Ferry J.* Discours sur l'égalité De l'égalité d'éducation, le 10 avril 1870 [Speech on equal education, April 10, 1870]. Ed. O.Rudelle. Vol. I. Paris, 1996. 508 p.

7. *Yastrebceva A.V.* Politika i pajdejya. Respublikanskij proekt obshhestvennogo obrazovaniya [Politics and paideia. Republican Public Education Project]. *Istoriya filosofii* [The history of philosophy]. 2015. Vol. 20. P. 25–45.

8. Narodnoe obrazovanie v SSSR [Public education in the USSR]. Sbornik dokumentov 1917–1973 gg. [Collection of documents 1917–1973]. Moscow, 1974. 559 p.

9. *Buxarin N., Preobrazhenskij E.* Azbuka kommunizma [The ABC of Communism]. Petersburg, 1920. 322 p.

10. *Sovetova O.S.* Innovacii: trudnosti i vozmozhnosti adaptacii [Innovations: difficulties and possibilities of adaptation]. Saint Petersburg, 2004. 253 p.

11. *Buxarin N.* Kul`turny`e zadachi i bor`ba s byurokratizmom [Cultural tasks and the fight against bureaucracy. *Revolyuciya i kul`tura* [Revolution and Culture]. 1927. No. 2. P. 5–12.

12. *Kanatchikov S.* Na temu dnya (stranicy proletarskoj ideologii) [On the topic of the day (pages of proletarian ideology)]. Petrograd, 1923. 88 p.

13 *Asmus V.* Marksizm i kul`turnaya tradiciya [Marxism and cultural tradition]. *Revolyuciya i kul`tura* [Revolution and culture]. 1927. No. 3–4. P. 10–16.

14. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 41 [Complete works. 5th ed., vol. 41]. Moscow, 1981. 696 p.

15. *Stoyuxina N.Yu., Loginovskix D.V.* Psixoanaliz v sovetskoj pedagogike v 1920-1930-x godax [Psychoanalysis in Soviet pedagogy in the 1920s-1930s]. *Privolzhskij nauchny`j vestnik* [Privolzhsky scientific Bulletin]. 2014. No. 11–2 (39). P. 67–71.

16. *Ry`zhkov V.* Psixoanaliz kak sistema vospitaniya [Psychoanalysis as a system of education]. *Put` prosveshheniya* [Path of enlightenment]. 1922. No. 6. P. 196–218.

17. *Babich E.S.* Transformaciya predstavlenij rossijskix politikov ob ideal`nom cheloveke v 1917–1938 gg. [Transformation of Russian politicians' ideas about the ideal man in 1917-1938]. *Voprosy` istoricheskoj nauki: materialy` II Mezhd. nauch. konf* [Questions of historical science: materials of the II International Scientific Conference]. Chelyabinsk, 2013. P. 34–37.

18. Partijnaya e`tika: Dokumenty` i materialy` diskussii 20-x godov [Party ethics: Documents and materials of the discussion of the 20s.]. Moscow, 1989. 511 p.

19. *Preobrazhenskij E.A.* O morali i klassovy`x normax [On morality and class norms]. Moscow; Petrograd, 1923. 114 p.

20. *Lunacharskij A.V., Skry`pnik N.A.* Narodnoe obrazovanie v SSSR v svyazi s rekonstrukciej narodnogo khozyajstva [Public education in the USSR in connection with the reconstruction of the national economy]. Moscow, 1929. 167 p.

21. *Lenin V.I.* Zaklyuchitel`noe slovo po dokladu o mire 26 oktyabrya (8 noyabrya). Vtoroj Vserossijskij s``ezd Sovetov rabochix i soldatskix deputatov 25–26 oktyabrya 1917 g. [Concluding remarks on the report on peace on October 26 (November 8). The Second All-Russian Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies on October 25-26, 1917]. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch.: v 55 t. [Full Collection of works: in 55 vol.]. Moscow, 1974. Vol. 35. P. 19–22.

22. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 40 [The complete works. 5th ed., vol. 40]. Moscow, 1974. 507 p.

23. *Molostova E.S.* Modeli «novogo cheloveka» v sovetskij period: podstupy` k transgumanizmu [Models of the "new man" in the Soviet period: approaches to transhumanism]. *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosuniversiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right]. 2104. No. 9. Vy`p. 28. P. 168–175.

24. *Ustinov O.A.* Problema cheloveka v tvorchestve N.I.Buxarina (istoriko-filosofskij analiz): Avtoref. diss. ... k. fil. n. [The problem of man in the work of N.I.Bukharin (historical and philosophical analysis): the author's abstract. Diss. ... Ph.D]. Moscow, 2007. 21 p.

25. *Novikov S.G., Zabelinskaya O.S.* Razrabotka A.V.Lunacharskim ideala «Novogo cheloveka»: retrospektivny`j vzglyad [Lunacharsky's development of the ideal of a "New man": a retrospective view]. *Uchebny`j e`ksperiment v obrazovanii* [Educational experiment in education]. 2011. No. 4. P. 10–14.

26. *Lunacharskij A.V.* Sobr. soch.. T. 7 [Collected works. Vol. 7]. Moscow, 1967. 734 p.

27. *Lunacharskij A.V.* O vospitanii i obrazovanii: Sbornik [On education and education: A collection]. Ed. N.V.Kondashova. Moscow, 1976. 632 p.

28. *Lunacharskij A.V.* O by`te [About everyday life]. Moscow; Leningrad, 1927. 81 p.

29. *Stalin I.V.* Sochineniya. T. 14. Mart 1934 – iyun` 1941 [Works. Vol. 14. March 1934 – June 1941]. Moscow, 2007. 865 p.

30. *Kairov I.A.* Stalin o kommunisticheskom vospitanii [Stalin on communist education]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet pedagogics]. 1940. No. 6. P. 3–14.

31. *Selixanovich I.B.* Osnovy` vospitaniya kommunisticheskoj morali [Fundamentals of education of communist morality]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet pedagogics]. 1940. No. 7. P. 3–17.

32. *Kalinin M.I.* O kommunisticheskom vospitanii [On communist education]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet pedagogics]. 1940. No. 11–12. P. 3–14.

33. *Maly`shev M.P.* Shkola i vospitanie xaraktera [School and character education]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet pedagogics]. 1941. No. 6. P. 3–16.

34. *Kozlova N.* Sovetskie lyudi. Sceny` iz istorii [Soviet people. Scenes from history]. Moscow, 2005. 526 p.

35. *Bordyugov G.A.* Oktyabr`. Stalin. Pobeda: kul`t yubileev v prostranstve pamyati [October. Stalin. Victory: the cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow, 2010. 255 p.

36. *Ficzpatrik Sh.* Povsednevny`j stalinizm. Social`naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody`: gorod [Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. Moscow, 2001. 332 p.

37. KPSS. S`ezd 25-j. Stenograficheskij otchet. T. 1 [The CPSU. The 25th congress. Verbatim report. Vol. 1]. Moscow, 1976. 472 p.

38. *Zinov`ev A.A.* Faktor ponimaniya [Factor of understanding]. Moscow, 2006. 528 p.

Submitted – 17.11.2024